

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Анна Вежбицкая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ
И БАЗИСНЫЕ КОНЦЕПТЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 80/81
ББК 81.031
В 26

Вежбицкая Анна

В 26 Семантические универсалии и базисные концепты. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 568 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 978-5-9551-0485-0

В книге всемирно известного лингвиста, иностранного члена Российской академии наук собран ряд работ (включая новейшие переводы), в совокупности иллюстрирующих различные аспекты применения языка семантических примитивов к всестороннему описанию языка и культуры. В частности, в книге рассматриваются различные темы грамматической, словообразовательной и лексической семантики, анализируются ключевые концепты различных культур, в том числе, русской культуры, описывается семантика евангельских текстов и др.

Книга предназначена для очень широкого круга читателей, начиная от специалистов по лингвистике, когнитивной психологии, философии и культурологи и кончая неспециалистами, которые найдут в ней интереснейшую информацию о языке, культуре, мышлении, их связях и взаимовлияниях.

ББК 81.031

В оформлении переплета использована картина Эль Греко «Моление о чаше».

ISBN 978-5-9551-0485-0

9 785955 104850 >

© Анна Вежбицкая, 2011
© А. Д. Кошелев. Составление, 2011
© Языки славянских культур, 2011

Анна Вежбицкая

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И БАЗИСНЫЕ КОНЦЕПТЫ

Издатель А. Кошелев

Корректор Г. Эрли. Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 35,5. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>А. Д. Кошелев</i>)	7
О творчестве Анны Вежбицкой (<i>Ю. Д. Апресян</i>)	10
Об Анне Вежбицкой (<i>Р. И. Розина</i>)	15

I. Семантические универсалии

Из введения в книгу «Семантика: примитивы и универсалии» (перевод <i>А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной</i>)	19
Семантические универсалии и «примитивное мышление» (перевод <i>М. Б. Бергельсон</i>)	54
Прототипы и инварианты (перевод <i>Р. И. Розиной и Г. И. Кустовой</i>) . .	91
Приложение (перевод <i>Р. И. Розиной</i>)	125

II. Семантика грамматики

Семантическая основа грамматического описания и типология: переходность и возвратность (перевод <i>А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной</i>)	135
Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?) (перевод <i>А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной</i>)	171
Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» (перевод <i>А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной</i>)	216
Дело о поверхностном падеже (перевод <i>О. Т. Ревзиной</i>)	255
Семантическое описание падежей в терминах ЕСМ: новый анализ польского дательного падежа (перевод <i>Р. И. Розиной</i>)	302

III. Ключевые темы в русской культуре и языке

Русский язык (<i>перевод Г. Е. Крейдлина</i>)	331
Русские культурные скрипты и их отражение в языке	389
Судьба и предопределение (<i>перевод Р. И. Розиной</i>)	424

IV. Семантический анализ евангельских текстов

Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям (<i>перевод А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной</i>)	501
Как люди могут понимать чувства других, как они могут «читать» их лица? Иисус в Гефсимании (<i>перевод А. Н. Gladковой</i>)	548
Библиографическая справка	568

От составителя

Научные идеи Анны Вежицкой вызывают в нашей стране неподдельный интерес и пользуются самым широким признанием. По числу переведенных на русский язык работ Анна Вежицка далеко опережает всех остальных зарубежных лингвистов, включая самого Романа Jakobsona. Как объяснить этот феномен? Не думаю, что главную роль здесь играет несомненное личное обаяние Анны Вежицкой и ее тесные научные связи и дружеские отношения с отечественными лингвистами — создателями теории моделей Смысл — Текст. В основе этого феномена лежит какой-то более фундаментальный и общенаучный фактор. Рискну предположить, что главная притягательная сила идей Анны Вежицкой в том, что они прокладывают новые пути в центральной теме отечественной лингвистики — в познании языкового значения, т. е. в изучении и эксплицитном описании содержания языковых единиц. Не случайно Ноам Хомский, глава другого, в известном смысле альтернативного направления — изучения формы языковых единиц — по числу переведенных на русский язык работ занимает одно из последних мест (и это, понятно, весьма прискорбно).

В этом сборнике публикуются статьи, призванные раскрыть основные положения теории Анны Вежицкой. Эту теорию можно назвать концептуально-лингвистической, поскольку она сочетает в себе сильные стороны двух различных подходов к изучению языка: лингвистического, трактующего язык как вполне самостоятельную, отделенную от мышления систему, и когнитивного, трактующего язык как часть мыслительной системы человека. Чтобы выделить важнейшие положения данной теории, сравним ее (предельно кратко) с теорией лингвистических моделей Смысл — Текст (МСТ) и с ее отдельной ветвью — теорией Интегрального описания языка, разрабатываемой в Московской семантической школе (МСШ), с одной стороны, и с когнитивной теорией Дж. Лакоффа, с другой (см. к этому также Goddard, Wierzbicka 2010).

Центральным элементом теории А. Вежицкой является «Естественный Семантический Метаязык» (ЕСМ), представляющий собой а) «лингвоспецифическую манифестацию универсального набора фундаментальных человеческих концептов» и б) «универсальные правила синтаксиса». И те, и другие «являются врожденными ... и, если это так, нет никаких оснований полагать, что они будут различаться от одного человеческого сообщества к другому», см. наст. сб., с. 33. ЕМС, в отличие от семантиче-

ского языка МСТ и метаязыка МСШ, универсален: его фундаментальные концепты и синтаксические конструкции одни и те же для разных языков.

Как и семантический язык МСТ, ЕСМ используется для описания «любых языковых значений». Но сама область «языковых значений» в теории А. Вежбицкой гораздо шире. К ней, например, относится семантика падежей и семантика частей речи. В МСТ, напротив, грамматические характеристики не трактуются в семантических понятиях и потому не подлежат описанию посредством семантического языка.

Подчеркнем важнейшее различие: семантические примитивы ЕСМ — это поименованные общечеловеческие к о н ц е п т ы, т. е. единицы концептуального представления мира, а элементарные смыслы семантического языка МСТ — это «относительно простые слова» описываемого языка, взятые в их «основных значениях». Иными словами, в теории А. Вежбицкой между концептом и языковым значением существенно различия нет, поскольку значения трактуются как «закодированные в языке концептуальные структуры». Между тем в МСТ значение трактуется как чисто языковое понятие — лингвоспецифическое «семантическое представление», строго отделенное от своего концептуального (и универсального) коррелята.

Таким образом, если в теории МСТ лексико-семантический и грамматический уровень языка разделены и отделены от концептуального уровня, то в теории А. Вежбицкой все эти три уровня описываются одним и тем же ЕСМ. Тем самым, язык целиком погружается в мышление и становится его частью, но не аморфной, а выделенной, обособленной.

Представляется, что теория А. Вежбицкой отражает более общие установки автора: сведение семантики к пониманию («семантика есть наука о понимании») и «атомистическое» объяснение понимания (человек может понять высказывание лишь потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе»), см. наст. сб., с. 30—31.

Дж. Лакофф, как и А. Вежбицкая, не проводит различия между концептом и значением: «Языковые категории должны быть того же типа, что и другие категории в нашей понятийной системе». И семантику он трактует по существу аналогично — как «науку о понимании», ср.: «Необходима когнитивная семантика — эмпирически адекватное описание человеческого разума». В то же время Лакофф не разделяет «атомистического» подхода А. Вежбицкой («мысль имеет *свойства геистальта* и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных „строительных блоков“ посредством общих правил») (Лакофф 2004: 13; курсив Лакоффа). Идея «семантической

композиционности» в теории Лакоффа реализуется, но «строительные блоки» у него значительно крупнее (с. 365).

Холистический тезис Лакоффа смыкается с положением Н. Хомского, «согласно которому большинство концептов (включая, например, ‘chase’ [‘охота’], ‘persuade’ [‘убедить, уговорить’], ‘murder’ [‘убить’] или ‘table’ [‘стол’] ...) являются врожденными ... это означает, что концепты во всей своей ... сложности должны быть принципиально доступны еще до опыта. Дети в основном усваивают ярлыки для концептов, которые они уже имеют», см. наст. сб., с. 40—41.

Позиция А. Вежбицкой существенно иная: «На мой взгляд, разумно предполагать, что врожденными являются не культуроспецифичные концепты, такие как ... ‘table’ или ‘boomerang’ [‘бумеранг’], ‘persuade’ [‘убедить, уговорить’] ... но только те, которые обнаруживаются во всех языках, такие как ‘лицо’ (‘person’) и ‘вещь’ (‘thing’), ‘делать’ (‘do’) и ‘произойти’ (‘happen’), ‘где’ (‘where’) и ‘когда’ (‘when’) или ‘хороший’ (‘good’) и ‘плохой’ (‘bad’). Все другие концепты должны быть благоприобретенными через посредство „языка как орудия культуры“» (Там же). Следовательно, в отношении таких «культуроспецифических» концептов атомистический подход оправдан — все они доступны описанию посредством ЕСМ (это, кстати сказать, объясняет удивительную малочисленность элементов ЕСМ: их на сегодняшний день всего 63, см. Goddard, Wierzbicka 2010). Тем самым ЕСМ предстает универсальным и простым метаязыком описания этноспецифических концептов любых языков. Хорошей иллюстрацией его выразительной силы служат многочисленные примеры описания на нем конкретной лексики.

В заключении хотел бы выразить глубокую благодарность Анне Вежбицкой за оказанную помощь в подготовке сборника к публикации.

Goddard and Wierzbicka 2010 — *Goddard C., Wierzbicka A. WIREs Cognitive Science // Semantics and cognition.*, 2010.

Лакофф 2004 — *Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении.* М., 2004.

*А. Д. Кошелев,
21 июня 2011 г.*

О творчестве Анны Вежбицкой

Анна Вежбицкая, профессор Национального университета Австралии (Канберра), иностранный член Российской академии наук, лауреат премии Александра Гумбольдта, лауреат международной премии Р. Л. Добрушина, почетный доктор Варшавского университета и Университета Марии Кюри-Склодовской, автор более двадцати фундаментальных монографий в области лингвистики и нескольких сотен статей, занимает в современной филологической науке совершенно особое положение. Уже пишутся работы о феномене Анны Вежбицкой.

Свои первые шаги в науке она сделала в середине 1960-х годов в качестве ученицы крупнейшего современного польского лингвиста Анджея Богуславского, от которого усвоила восходящую еще к Лейбницу идею, что значения слов естественного языка могут быть сведены к небольшому набору универсальных неопределяемых понятий — так называемых семантических примитивов. По-видимому, определенное влияние на формирование взглядов А. Вежбицкой оказали в свое время и первые работы московских семантиков, группировавшихся вокруг Лаборатории машинного перевода Института иностранных языков. От них она восприняла идею, что в метаязыке, на котором описываются значения языковых единиц, должен быть не только словарь (семантические примитивы), но и синтаксис. Наконец, среди ее наставников был Р. Якобсон — у него она проучилась около полугода в США; я думаю, что именно в этой школе у А. Вежбицкой возник тот поразительный универсализм чисто лингвистических, филологических и культурологических интересов, который сделал ее одним из крупнейших гуманитариев нашего времени. В результате ее собственная, в высшей степени оригинальная лингвистическая теория, основные элементы которой сложились к концу 1960-х годов, оказалась хорошо укорененной и в новаторских исканиях того времени, и в классических традициях европейской науки.

С тех пор А. Вежбицкая провела (отчасти с учениками) титаническую по масштабам и уникальную по содержанию эмпирическую работу: на материале десятков разносистемных языков, включая славянские, германские, романские, некоторые языки Азии, а также исконные языки Южной Америки, Африки, Австралии и некоторые австро-

незийские, установила набор универсальных семантических примитивов; разработала (прежде всего, на основе английского языка) так называемый естественный семантический метаязык (ЕСМ), предназначенный для экспликации значений любых языковых единиц, — словарь, грамматику и структуру толкований; реально применила этот метаязык для истолкования огромного фактического материала и дала полученным ею результатам глубокую этнолингвистическую и культурную интерпретацию.

ЕСМ А. Вежицкой обладает одним замечательным свойством: он позволяет описывать как универсальные черты человеческих языков, так и их этноспецифику.

Универсализм ЕСМ проявляется в трех важнейших аспектах.

Во-первых, этот метаязык един по крайней мере для тех нескольких десятков разносистемных языков, которыми А. Вежицкая занималась. Она показала, что языки обнаруживают очень большое разнообразие на уровне сложных концептов (ср. лексемы *душа, совесть, судьба, правда, упрек, стыд* и т. п.) и сложных синтаксических конструкций. Однако на уровне простейших концептов (*хочу, думаю, знаю, я, ты, хороший, плохой, другой, один, два* и т. п.) и простейших синтаксических конструкций они очень сходны, если не полностью идентичны. Во всяком случае, аналоги таких концептов, пусть иначе выраженные, и простейшие синтаксические конструкции обнаруживаются во всех обследованных ею языках. Поэтому в качестве метаязыка семантических описаний может быть использован элементарный словарь и элементарный синтаксис любого естественного языка. Сама А. Вежицкая пользуется для этих целей преимущественно английским языком, а при необходимости — польским и русским.

Во-вторых, ЕСМ един для описания всех языковых значений независимо от того, какими средствами — лексическими, морфологическими, синтаксическими или иными — они выражаются. Предполагается, что любое содержание, выражаемое средствами естественных языков, может быть выражено на языке семантических примитивов. Это создает непосредственную основу для сравнения значений любых единиц любых языков и для установления сходств и различий между ними.

В-третьих, предложенный А. Вежицкой метаязык оказывается единым для описания двух разных типов содержания, которые после работ Ч. Морриса известны как (лингвистическая) семантика и (линг-

вистическая) прагматика. Применяя метод, который она сама назвала «радикально семантическим», А. Вежицкая показала, что прагматика языковых знаков может быть истолкована на том же метаязыке, что и их семантика.

С другой стороны, исследуя эмпирический материал, А. Вежицкая постоянно подчеркивает не только его универсальную основу, но и его этнолингвистические и, шире, этнокультурные черты. Этноспецифика языка — лейтмотив всех ее работ, иногда становящийся их центральной темой. Они поразительны по тонкости анализа и масштабу обработанного материала. В сущности, нет ни одного пласта базовой лексики, который не попал бы в поле зрения А. Вежицкой. Она описала большие классы слов разных языков, обозначающих время, пространство, модальности, физическое восприятие, эмоциональные, волевые и ментальные состояния и действия человека, речевые акты, лексику родства, части тела, цветообозначения и многое другое, включая основные пласты конкретной, или предметной лексики, т. е. тот словесный материал, который со времен Л. Блумфилда был питательной средой для лингвистического агностицизма. Считалось, что он не поддается строгому и системному описанию и поэтому не представляет никакого лингвистического интереса. А. Вежицкая полностью развенчала эту философию, предложив исчерпывающие истолкования того, как носители данного языка мыслят собак, кошек, лошадей, мышей, кружки, миски, кувшины, капусту, морковь, свеклу, лук, различные фрукты, одежду и тысячи других вещей. Предложенные ею лексикографические портреты перечисленных слов сведены в последовательные системы концептуализаций, которые А. Вежицкая называет «народной биологией» (folk biology, ethnobiology), «народной ботаникой» и т. п.

Семантическую этноспецифику она усматривает не только в лексическом, но и в грамматическом материале. Показателен в этом отношении предложенный ею анализ сослагательного наклонения, переходности, каузативных конструкций, конструкций так называемого «малого» синтаксиса (среди прочего, ей принадлежит глубокий анализ русской безличной конструкции *Мне сегодня работается* («не работается»)) и других подобных явлений.

В связи с этим следует отметить, что А. Вежицкая сделала исключительный вклад во все области грамматической семантики. Ей принадлежат основополагающие работы по аспектологии, глагольной ка-

тегории времени, теории падежа, синтаксису инфинитива и герундия, сочинению, подчинению, частям речи (прилагательные VS. существительные), словообразованию (ср. замечательное по тонкости описание русских диминутивов, в том числе диминутивов собственных имен).

Говоря о «феномене Анны Вежицкой», нельзя не отметить еще одного обстоятельства. Она — рыцарь идеи. Сформулировав сорок лет назад основной тезис своей теории, она оставалась ему верна во всей своей последующей деятельности. Совершенно независимо от того, как к нему относиться (многие с А. Вежицкой спорят), нельзя не признать, что это сильная идея, проведенная твердо и бескомпромиссно, с редкой глубиной и мощью и поэтому давшая замечательные результаты. Не меньшее уважение вызывает и то, что эта идея не превратилась в окаменевшую догму, а развивалась в разных направлениях и на разном материале. В этой связи следует упомянуть не только этнокультурные исследования А. Вежицкой, но и ее смелую попытку применить ЕСМ для истолкования такого трудного во всех отношениях материала, как притчи Христа.

Особого упоминания заслуживает тот факт, что А. Вежицкая много и с любовью занималась русским языком и культурой России. Надо сказать, что Россия отвечает ей не меньшей любовью. Ее популярность у нас может сравниться только с ее популярностью в Польше.

Я хотел бы закончить это короткое слово об Анне на личной ноте. Около сорока лет назад (в ноябре 1968 г.) меня пригласили выступить (заочно) в качестве оппонента на защите диссертации А. Вежицкой, тогда находившейся в начале своего беспримерного пути. В коротком предварительном отзыве я суммировал содержание представленных к защите работ и предсказал им большое будущее: «По моему глубокому убеждению, ее работы ⟨...⟩ стоят на уровне лучших образцов мировой литературы по семантике. А. Вежицкой удалось синтезировать в своем подходе к семантике наиболее важные и глубокие философские, логические и собственно лингвистические идеи, отчасти высказанные ее предшественниками, но в значительной степени принадлежащие и ей самой. Я бы в особенности хотел отметить блистательные результаты, полученные А. Вежицкой в исследовании проблем смысловой связности текстов, структуры значения, логической природы отрицания, имплицитно выражаемых модальностей, а также ее семантический анализ нескольких групп слов польского, русского и английского языков. Большая часть названных мною проблем —

новые в лингвистической семантике, и в разработку каждой из них А. Вежицкая внесла существенный вклад. Более того, ее исследованиями были обновлены такие традиционные и хорошо изученные области лингвистики, как аспектология, синтаксис однородных членов и некоторые другие.

Современникам всегда трудно оценить значение работ их коллеги для будущего развития науки. Тем не менее я решаюсь назвать исследования А. Вежицкой важной вехой в истории лингвистической семантики. Я твердо верю в то, что когда-нибудь это будет общепринятой оценкой ее деятельности».

Я рад, что это предсказание сбылось.

Академик РАН *Ю. Д. Апресян*
24.11.2007 г.

Об Анне Вежбицкой

Анна Вежбицка — всемирно известный лингвист, профессор Австралийского национального университета (Канберра, Австралия), автор огромного количества статей и двадцати книг (в том числе: *Semantic Primitives*. Frankfurt, 1972; *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor, 1985; *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988; *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York, 1992; *Semantics: Primes and Universals*. Oxford, 1996; *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese*. New York, 1997; *Emotions Across Languages and Cultures Diversity and Universals*. Cambridge, 1999; *English: Meaning and culture*. New York, 2006).

Анна родилась в Варшаве в 1938 г. Ребенком она пережила Варшавское восстание, насильственный разрыв семьи и депортацию вместе с матерью и сестрой в Германию, где мать была отправлена в лагерь на принудительные работы. Семья смогла вернуться в Варшаву и воссоединиться с отцом лишь в 1946 г.*

Анна Вежбицка окончила Варшавский университет по курсу польской филологии и работала в Институте литературы ПАН, в секторе, которым руководила хорошо известная в России профессор Мария Рената Майенова. Особое значение для научной судьбы Вежбицкой имела полугодовая стажировка, которую в 1964—1965 г., после защиты диссертации, Вежбицка проходила в Москве, в Институте славяноведения АН СССР: она сдружилась с группой молодых ученых, стоявших в центре нового направления семантических исследований, которое впоследствии стало называться Московской семантической школой, — Игорем Мельчуком (ныне профессором Монреальского университета), Александром Жолковским (ныне профессором Калифорнийского университета) и Юрием Апресяном (ныне академиком РАН).

Интерес к семантике, возникший у Вежбицкой в Москве, неожиданно получил новый импульс сразу после ее возвращения в Варшаву: услышанная ею лекция профессора Варшавского университе-

* Все биографические данные были любезно предоставлены мне профессором А. Вежбицкой.